

З. Л. Новоженова

**АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА:
СТИЛЬ VS ДИСКУРС**

20

Рассматриваются активные процессы в стилистической системе русского языка, связанные с качественными (изменение языкового «наполнения» функциональных стилей) и количественными (появление новых стилей) ее трансформациями. Анализируется проблема соотношения стилей и дискурсов в качестве коммуникативно-речевых образований и научных понятий, в связи с чем обсуждаются факторы сознания и осознания в качестве критериев их выделения.

Current processes in the stylistic system of the Russian language are related to qualitative (changing the language functional styles) and quantitative (the emergence of new styles) transformations. The author explores the correlation of styles and different types of discourse as communicative speech formations. Special attention is given to the cognitive and awareness factors as criteria for the identification of styles and types of discourse.

Ключевые слова: функциональные стили, дискурсы, критерии сознания и осознания.

Keywords: functional styles, discourse, consciousness, awareness.

Активные процессы в современном русском языке, обусловленные динамикой социокультурной ситуации и коммуникативными потребностями говорящего сообщества, затрагивают все уровни языка, в том числе и стилистику, кроме всего прочего отвечающую за функциональные разновидности языка.

В системе функциональных стилей русского языка наблюдается несколько заметных процессов. Во-первых, это качественное изменение стилей. Так, в официально-деловом стиле отмечено усложнение жанровой организации, обогащение состава лексических и синтаксических средств за счет внутренних ресурсов и заимствований, связанных в том числе и с процессами международной унификации деловой терминологии, развитием системы деловых клише и др. Также зафиксировано усиление роли и увеличение доли официально-делового стиля в публичном дискурсе. Качественные изменения претерпевает и публицистический стиль, утративший прежде всего функцию идеологического воздействия. Происходит процесс своеобразного сращения публицистического стиля с языком средств массовой информации. Художественный стиль столкнулся с проблемой массовой культуры, которая в определенной мере изменила принципы отбора языковых средств. Научный стиль остался наиболее консервативным. Но и в нем, однако, наблюдаются изменения, связанные с усилением субъективного начала

(на уровне автора текста). Кроме того, отмечается экспансия обыденно-бытового (разговорного) стиля, элементы которого проникают во все функциональные разновидности языка.

Во-вторых, в стилистической системе русского языка отмечаются количественные изменения. Так, ряд ученых предполагает выделить такие стили, как церковно-религиозный [9; 10; 20] и рекламный [4; 5].

Правомерность выделения функциональных стилей обосновывается учеными через комплекс критериев, одним из которых признается связь стилей с определенной формой общественного сознания. Так, церковно-религиозный стиль основывается на религии (ее содержание составляют образы, мысли, эмоции, аффективно-когнитивные ориентации, ценностные установки, нормы). «Главный компонент религиозного мировоззрения — система догматов (важнейших религиозных истин), соотносимых с типичными состояниями душевной жизни верующего человека» [20, с. 413]. Необходимо отметить, что этот стиль исследователи, как правило, ограничивают христианским и православным религиозным мировоззрением. Однако религиозное сознание в России, естественно, проявляется и в католической, протестантской, исламской, буддийской и иудаистской верах; при этом часть текстов данных конфессий реализуется на русском языке.

Другой отдельной функциональной разновидностью русского языка, на существовании которой настаивает ряд ученых, является рекламный стиль.

Рекламный стиль трудно определить по признаку выражения в нем общественного сознания. Однако И. А. Имшинецкая, которая последовательно отстаивает статус рекламы как функционального стиля, выходит из этой ситуации, предлагая следующее решение вопроса: «Реклама предполагает осуществление ментальных процессов, не сводимых к тем видам духовной социокультурной деятельности, которые соотносимы с обычно выделяемыми формами общественного сознания (наукой, политической идеологией, правом и др.). Именно маркетинговая деятельность объективируется в рекламных текстах, определяя их стилевое своеобразие на содержательном и собственно речевом уровне» [4, с. 132]. Исследовательница пытается расширить такой фактор понятия стиля, как общественное сознание, или подменить его понятием специфических ментальных процессов. «Можно, по-видимому, утверждать, — указывает И. А. Имшинецкая, — что изучение экстралингвистических детерминант рекламного стиля создает такую познавательную ситуацию в функциональной стилистике, при которой возникает необходимость включать в исследования не только известные формы действующего общественного сознания, но и внутренние (ментальные) процессы, в том числе те, которые подчинены материальной деятельности» [4, с. 133].

Комментируя тенденции к выделению новых функциональных стилей, Г. Г. Хазагеров обращает внимание на то, что система традиционно выделяемых в русистике функциональных стилей... не соответствует нынешней языковой ситуации [23].

Происходящие в коммуникативно-речевой практике процессы требуют теоретического осмысления. Можно сказать, что определенной ревизии подвергаются основные понятия и положения науки о стилях языка. Так, В.Г. Костомаров считает неубедительным отделение стилистики текста от функциональной стилистики [7, с. 32]. Кроме того, он предлагает рассматривать группы текстов, подчиняющихся разным структурно-стилевым векторам (КСВ) при реализации в них какой-либо информации [6]. Стилями языка ученый называет «обобщенные особенности сходных текстов, их крупные *группировки, присутствующие в сознании носителей языка как некие композиционные структуры* (курсив наш. — З.Н.)» [7, с. 32].

Для решения практических и теоретических задач стилистика (прежде всего функциональная) присваивает понятийный аппарат жанрологии, дискурсологии, текстологии, коммуникологии, вводит в свой понятийный аппарат такие понятия, как «дискурс», «мотив», «интенции говорящего, предопределяющие коммуникативные тактики», «языковая личность», «образ автора», «образ адресата» и др.

Особенно острые баталии, как мы наблюдаем уже на протяжении нескольких лет, разгораются при обсуждении понятий «стиль» и «дискурс». В настоящее время наблюдается экспансия понятия «дискурс». Именно он стал наиболее популярным и наиболее эффективным инструментом анализа речи в социокультурных обстоятельствах. Лавинообразное появление исследований по дискурсу заставляет ученых говорить «о дискурсивном перевороте» [11, с. 10] или «дискурсивном буме» [17]. Несмотря на неопределенность и расплывчатость как явления, так и понятия (см., например: [12; 25]), дискурс остается исключительно привлекательным исследовательским инструментом, что обусловлено не только его познавательной силой, но и определенной слабостью [14, с. 53–62]: избыточная широта, неясность границ, нечеткость критериев выделения — которая и дает возможность гибкого подхода, фиксирующего динамику, процессность и все обстоятельства речевого явления.

В настоящее время наблюдается ситуация, когда все коммуникативно-речевые образования, которые, по мнению ученых, не укладываются в систему общепринятых координат стилей, определяются как дискурс.

Состав дискурсов является открытым. Вот далеко не полный перечень дискурсов, упоминаемых в научной литературе: спортивный, медиадискурс, кулинарный, религиозный, политический, конфликтный, официальный, педагогический, дипломатический, юридический, медицинский, фармакологический, юмористический, ритуальный, сакральный, эзотерический, оценочный и др. При этом существует тенденция недифференцированного употребления терминов «дискурс» и «стиль» по отношению к одним и тем же функционально-речевым (коммуникативным) образованиям: *стиль/дискурс научный, публицистический, художественный, религиозный* и под.

Вторжение понятия «дискурс» в области, традиционно принадлежащие стилю и стилистике, заставило ученых пристальнее взглянуть на соотношение терминов «стиль» и «дискурс». Методологической ос-

новой интерпретации их взаимоотношений может стать афористическая формула Ж. Женетта: «...не бывает дискурса без стиля, равно как и стиля без дискурса», которую приводит в своей статье «Стилистика XXI века» О.Г. Ревзина, утверждая, что «максимы Женетта с полным основанием могут быть положены в основу "стилистики завтрашнего дня" [18, с. 265–266]. Давая пессимистическую оценку современной стилистике, О.Г. Ревзина приходит к выводу о необходимости интеграции в стилистику новейших лингвистических понятий и представлений о природе коммуникативно-речевых процессов, что позволит ей выйти из изоляции и маргинальности [18, с. 265–266].

К числу таких понятий принадлежит и обсуждаемое нами понятие дискурса. Соотношение понятий «стиль» и «дискурс» является одной из актуальных проблем стилистики (см. например [3]). При этом стиль может пониматься и как индивидуальный, и как функциональный. Так, понимание дискурса как стиля, включающего еще и определенную идеологию (или определяемого идеологией), характерно для французского структурализма. М. Фуко с термином «дискурс» связывает понятие индивидуального языка и стиля [22]. Ю.С. Степанов считает, что дискурс, однако, несводим к стилю [19, с. 35]. А.Н. Приходько, солидаризуясь с позицией Ю.С. Степанова, утверждает, что стиль — это системообразующий фактор дискурса. По мнению ученого, дискурс определяет стиль, а не стиль дискурс [17]. Идея несводимости дискурсов к стилю в координатах функциональной стилистики поддерживается и другими исследователями. Так, по мнению Е.С. Кара-Мурзы, функциональный стиль — это языковая суперпарадигма, а дискурс — речевая [5, с. 24]. Н.И. Клушина обращает внимание на то, что «и стиль, и дискурс — это употребление языка, поэтому они однопорядковые лингвистические величины, заявляющие различные подходы к изучению функционирования языка: системный и коммуникативный» [8, с. 85]. В целом же надо признать, что стиль и дискурс находятся между собой не в отношениях взаимозаменяемости или противопоставленности, а в отношениях дополнительности.

Понимание природы функционирования и организации как стиля, так и дискурса базируется на поиске факторов, параметров, стабилизирующих речевой поток и приводящих к образованию данных речевых феноменов.

Так, функциональная стилистика выработала критерии определения статуса стилей через комплекс экстралингвистических и лингвистических стилеобразующих факторов, которые и создают особый характер речи, воспринимаемый как стиль. И функциональная стилистика, и дискурсология особое значение придают такому фактору речепроизводства, речеобразования, как сознание. Сознание, как известно, позволяет выработать знания о связях, отношениях и закономерностях объективного мира, сформировать ценностное отношение к действительности, дает совокупность коллективных представлений, присущих определенной эпохе. В соответствии с состоянием современной теории стилистики «цели и задачи общения», кроме других факторов, «опре-

деляются назначением соответствующей формы общественного сознания, типом мышления, свойственной этой сфере» [20, с. 90]. В связи с определенными формами общественного сознания (искусство, наука, политика, право, религия) стилистика, как известно, выделяет такие стили, как научный, художественный, публицистический, официально-деловой, разговорный и в последнее время, как об этом говорилось выше, религиозный.

На фактор сознания как один из важнейших в определении статуса стиля обратил внимание еще В.В. Виноградов в статье «Итоги обсуждения вопросов стилистики» [2]. Основные тезисы данной статьи могут быть сформулированы следующим образом: стили — это 1) общественно осознанные и системно организованные разновидности речи; 2) разновидности речи, детерминированные сферой общественной деятельности; 3) разновидности речи, детерминированные формой сознания.

В то же время связь дискурса и сознания — одно из основных, фундаментальных положений дискурсологии. Ею, прежде всего, учитывается индивидуальное сознание, но через которое намечается связь и с сознанием общественным. Считается, что тип сознания, его содержание (идеи, представления, ценностные установки, нормативы мышления) могут быть механизмом, запускающим процесс образования новых дискурсов. Необходимо еще раз напомнить, что представители постмодернистской философии (Ж. Деррида, М. Фуко и др.) понимают дискурс как вербальную форму объективации содержания сознания. Именно тип ментальной установки и сознание являются одной из тех *общностей* (М. Фуко), что стабилизирует вербально-речевой поток, структурирует его в качестве определенной дискурсивной формации как «стихийно-объективированный продукт» [22, с. 98], то есть проявляется в типах речевых стратегий и тактик, порождающих специфические тексты, различающиеся по тематике, жанру и репертуару языковых средств, но объединенные именно этим качеством.

В текстоцентрических теориях дискурса сознание трактуется как конструктивное начало дискурса. Для представителей дискурс-анализа [25] каждая социальная практика (экономическая, политическая, культурная, семейная и т. д.) связана с дискурсом (помимо других элементов) через формы сознания. Именно постмодернистская философия, связав дискурс с общественным сознанием, фактически освободила его от субъекта, то есть в конечном итоге от индивида, и сделала акцент на бессознательном в речемыслительных процессах. Поэтому дискурс может, например, интерпретироваться как речь, присваиваемая говорящим. Учет такого параметра, как форма сознания, кажется нам одним из продуктивных путей описания дискурсивных формаций и связанных с ними социокультурных состояний общества [13–15].

Однако в последнее время в лингвистике стала активно отстаиваться точка зрения, в которой дискурсу отказано в связи с общественным сознанием: дискурс определяется как «содержательно-смысловая общность текстов, а не общность формы общественного сознания» [24, с. 117].

Эту же идею отстаивает О. В. Орлова [16]. Анализируя проблемы соотношения понятий «функциональный стиль» и «дискурс», автор приходит к выводу, что эти две фундаментальные категории различаются тем, что они по-разному членят коммуникативное пространство. В поиске ответа на вопрос, «какими отношениями связаны эти категории — отношениями атрибуции, включения, пересечения, гипер-, гипонимическими?» [16, с. 23] автор на основе анализа онтологических сущностей приходит к выводу, что критерием идентификации и делимитации стилей является наличие связанности их с формами общественного сознания, а для дискурсов таким критерием выступает содержательно-смысловая общность текстов.

Предложенные исследователями критерии, однако, отличает ограниченность методологической базы. Возникает вопрос, остается ли дискурс в каждом случае связанным с индивидуальным сознанием? И если да (трудно предположить иной ответ на этот вопрос), то в каком соотношении находятся индивидуальное и общественное сознание? Ведь та методологическая основа, к которой обращаются приверженцы данной концепции, признает не только наличие индивидуального и общественного сознания, но и их сложную связь. Кроме того, в рамках той же философской концепции отстаивается точка зрения об исторической детерминированности форм общественного сознания. Так, признается, что первоначально формы общественного сознания ограничивались религией и философией. Однако новые потребности в развитии общества и человека вызывают к жизни и новые формы сознания. Теперь наряду с традиционно выделяемыми религиозной, моральной, научной, эстетической, политической называются и такие формы сознания, как экономическая, экологическая, медицинская, педагогическая, историческая и др. (см., например [1; 21]). Связаны ли эти формы с определенными речевыми формациями? Ответ на этот вопрос может быть только положительным. Являются ли эти формации стилями? Вероятно, нет. В то же время критерий связи стилей с соответствующими формами сознания необходимо считать объективным. Все эти вопросы приводят нас к осознанию того, что соотношение стиля и сознания, дискурса и сознания не может характеризоваться однозначно. Аргументы, приводимые исследователями в пользу тезиса о связи форм сознания с определенными стилями и отсутствии такой связи между общественными формами сознания и дискурсами, требуют дальнейшего уточнения.

Можно констатировать, что проблема соотношения стиля и сознания, дискурса и сознания в этом сегменте лингвистической науки не получает однозначного решения.

Вероятно, самым главным (а возможно, единственным) критерием статуса стиля (отличающим его от дискурса) является признак, на который указывал еще В. В. Виноградов: общественное осознание стилей. В. Г. Костомаров говорит о присутствии в сознании носителей языка неких композиционных структур, которые можно назвать стилями. Именно осознание всем (в идеале) говорящим сообществом функцио-

нальной (общественно-речевой) предназначенности исторически сложившихся типов речи отличает стили от дискурсов, которые потенциально, при наличии общественно-исторической и коммуникативно-речевой необходимости (облигаторности), могут переходить в стили, в том понимании, которое сложилось в современной науке. Именно на этом основании большего признания заслуживает появление в системе функциональных стилей языка церковно-религиозного и меньшего — рекламного стиля.

Список литературы

26

1. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.
2. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1950. №1. С. 60—87.
3. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. М., 2016.
4. Имишинецкая И. А. Речевой стиль коммерческой рекламы в его жанровых разновидностях : автореф. дис.... канд. филол. наук. Пермь, 2007.
5. Кара-Мурза Е. С. Проблемы преподавания функциональной стилистики // Труды кафедры стилистики русского языка. М., 2007. С. 15—28.
6. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
7. Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб., 2014.
8. Клушина Н. И. Публицистический текст в прагматическом аспекте // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007.
9. Крылова О. А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Вопросы теории и образовательных технологий : тез. докл. Екатеринбург, 2000. С. 107—117.
10. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокура / отв. ред. Н. Н. Розанова. М., 1996. С. 135—138.
11. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
12. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М., 1978. Вып. 8. С. 467—472.
13. Новоженова З. Русский язык в новых дискурсивных пространствах: реклама... божественного // Мир русского слова и русское слово в мире. София, 2007. Т. 3. С. 461—467.
14. Новоженова З. Дискурс иррационального сознания: жанры и тексты // *Tekst jako kultura. Kultura jako tekst / pod red. Z. Nowożenowej. Gdańsk, 2011. С. 33—42.*
15. Новоженова З. Дискурс: исследовательская мифологема или языковая реальность? // Балтийский регион: миф в языке и культуре : матер. науч. конф. Калининград, 2010. С. 53—63.
16. Орлова О. В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. в контексте идей М. Н. Кожинной // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2013. №4. С. 19—25.
17. Приходько А. Н. Когнитивно-коммуникативная типология дискурсов. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vknlu/fil/2009_1/3.pdf (дата обращения: 12.10.2015).

18. Ревзина О. Г. Стилистика XXI века // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2001. С. 265–266.

19. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 7–34.

20. Стилистика русского языка : учебник / под ред. М. Н. Кожинной, Л. Р. Дускаевой, В. А. Салимовского. М., 2010.

21. Фофанов В. П. Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1979.

22. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

23. Хазагеров Г. Г. В поисках новой дискурсивной стилистики (о слабостях функционально-стилистического подхода и перспективности риторических теорий) // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь, 2005. Вып. 3. С. 13–21.

24. Чернявская Е. В. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М. 2013.

25. Fairclough N. Critical discourse analysis as a method in social scientific research // Methods in critical discourse analysis. Sage. L., 2001. P. 121–138.

26. Gajda S. Tekst / dyskurs oraz jego analiza i interpretacja // Współczesne analizy dyskursu. Kognitywna analiza dyskursu i inne metody badawcze. Rzeszów, 2005. S. 11–21.

Об авторе

Зоя Леонидовна Новоженова — д-р филол. наук, проф., Гданьский университет, Польша.

E-mail: zln@o2.pl

The author

Dr Zoya L. Novozhenova, Professor, Gdansk State University, Poland.

E-mail: zln@o2.pl